

О.М. Ковалевский

Монгольско-русско-французский словарь

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-11

О-11 **О.М. Ковалевский**
Монгольско-русско-французский словарь: Том 1 / О.М. Ковалевский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 614 с.

ISBN 978-5-518-09265-5

ISBN 978-5-518-09265-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ.

съ благоговѣніемъ посвящаетъ

вѣрнопогоданный

Осипъ Ковалевскій.

ВВЕДЕНИЕ.

Между важнѣйшими условіями хорошаго лексикона для какого бы то ни было языка, неоспоримо, первое мѣсто занимають полнота и точность: но достиженіе такого совершенства требуетъ многихъ особенныхъ словарей по роду наукъ, искусствъ и образу жизни народа и, вообще, требуетъ продолжительныхъ и добросовѣстныхъ усилий не одного лица. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ греческій и латинскій лексиконы, для усовершенія которыхъ ученые мужи не щадили своихъ трудовъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, имѣя даже ту выгоду на своей сторонѣ, что объемъ мертвыхъ языковъ, вмѣщающій въ себѣ одни лишь письменные памятники, не представляетъ столько затрудненій, какъ языкъ живой, органъ безпредѣльной энергіи народнаго ума. Кромѣ того, кому неизвѣстно, что лексикографія новыхъ языковъ сдѣлалась предметомъ усидчивыхъ занятій для отдѣльныхъ филологовъ и для цѣлыхъ академій? Но, тотъ только можетъ оцѣнить подвиги этихъ тружениковъ учености, кто самъ участвовалъ въ ихъ разысканіяхъ.

INTRODUCTION

Un dictionnaire ne peut être éminemment bon qu'autant qu'il est complet et précis; mais pour arriver à cet état de perfection, il faut nécessairement avoir recours à plusieurs vocabulaires qui traitent spécialement des arts, des sciences, des coutumes des peuples, ce qui rend indispensable une association de travaux continus et consciencieux. Comme une preuve évidente de cette assertion, je citerai les bons dictionnaires grecs et latins, au perfectionnement desquels des hommes célèbres ont travaillé pendant des siècles entiers, et cependant on observera que les langues mortes offrent bien moins de difficultés que les langues vivantes, dans la confection de ces sortes d'ouvrages; car leur sphère est naturellement bornée par les monuments écrits, au delà desquels on ne peut s'étendre; tandis qu'une langue vivante organe de l'intelligence d'un peuple, est susceptible d'une extension illimitée. D'ailleurs la lexicographie des langues modernes est devenue un objet important, non seulement pour des philologues particuliers, mais encore pour des académies entières. Et celui qui a pris part à leurs recherches peut seul apprécier à leur juste valeur les immenses travaux de ces martyrs de l'érudition.

Языкъ Монголовъ, одинъ изъ явленъ монголо-финскаго семейства, имѣетъ притязаніе на извѣстность по своей древности и служитъ средствомъ сообщенія для племенъ, разбросанныхъ по разнымъ владѣніямъ, на огромномъ пространствѣ земли. При неоднократныхъ политическихъ переворотахъ въ средней Азій, не смотря на столкновеніе чуждыхъ ему элементовъ жизни, онъ стойко сохранялъ свою чистоту и первобытную силу. Въ XVIII столѣтіи составлено для него нѣсколько словарей неодинаковаго достоинства для частнаго употребленія и недостижныхъ требуемой полноты. О грамматикѣ никто и недумалъ; ибо краткія замѣчанія о монгольскомъ правописаніи не замѣняютъ стройной науки, которая номадамъ показалась бы излишнимъ предметомъ роскоши, несоответствующей мѣстной нуждѣ. Впрочемъ, при самобытномъ развитіи образованности въ народѣ, грамматика обыкновенно является послѣднимъ произведеніемъ, когда уже книжный языкъ подъ перомъ бездарныхъ писателей подвергнется искаженію и, потерявъ твердую опору въ разговорномъ языкѣ высшаго общества, станетъ нуждаться въ законной охранѣ отъ безразсудныхъ нововведеній. Конечно, иногда чужестранецъ предупреждаетъ туземное предчувствіе о необходимости строгихъ правилъ для языка. Монголы хлопотали о санскритской и тибетской грамматикѣ для себя, ни мало не забывая о своей собственной.

La langue mongole, cette branche de la famille des langues mongoles-finnoises, considérée comme monument antique, a des droits incontestables aux investigations des savants; elle sert de moyen de communication à des peuplades dispersées dans différents états sur une immense étendue de terrain. Nonobstant plusieurs révolutions politiques des peuples de l'Asie-moyenne et le choc d'éléments étrangers à leur vie, cette langue a néanmoins conservée religieusement toute sa pureté, toute sa force primitive. On publia au XVIIIme siècle pour l'étude de cette langue quelques vocabulaires qui avaient chacun une destination particulière; les uns pour les objets usuels, les autres purement religieux. On écrivit aussi quelques remarques sur l'orthographe mongole; mais ces ouvrages incomplets, sans méthode, ne pouvaient tenir lieu de grammaire, qui, à la vérité, eut été alors superflue pour des nomades. D'ailleurs, lorsque la culture de l'esprit se développe progressivement de soi-même chez un peuple, la grammaire est ordinairement une des dernières productions littéraires, quand la langue, maniée par des écrivains sans talent, corrompue dans la conversation d'une société plus civilisée, demande une garantie légale contre d'absurdes innovations. Certes, il arrive par fois qu'un étranger prévient l'instinct national, qui semble deviner la nécessité urgente des règles, base du langage correct. Les Mongols composaient pour leur propre usage des grammaires sanscrite et tibétaine sans se soucier nullement de la leur.

Въ Россіи и частыя воспоминавія о древней судьбѣ народа, и необходимость объяснять различные письменные памятники, и управление племенами, нѣкогда принадлежавшими къ составу монгольской монархіи, и сношенія съ смежнымъ Китаемъ, подсказали мысль обратить вниманіе на языкъ Чингисъ-хановъ. И дѣйствительно, на русской почвѣ трудолюбивый академикъ Я. И. Шмидтъ, изданіемъ грамматики и словаря положивъ начало систематическому изученію монгольскаго языка, заслужилъ истинную благодарность у любителей востока (*).

Въ 1828 году, отправляясь, на иждивеніи правительства, въ продолжительное и трудное путешествіе по Азіи, я предположилъ себѣ, между прочимъ, составить и монгольскій словарь. Для этой цѣли, подъ окоптѣлыми юртами забайкальскихъ инородцевъ, въ безбрежной гоби и въ шумной столицѣ горделиваго богдохана, тщательно вникалъ я въ живой языкъ монгольскихъ племенъ, подслушивалъ у нихъ пословицы, сказки, пѣсни, легенды, хранящіяся въ народной памяти; 2) при чтеніи различнаго содержанія книгъ, извлекалъ слова и выраженія для моего сборника и 3) руководствовался, по мѣрѣ надобности, изданными уже

(*) Грамматика монгольскаго языка. Спб. 1851, 4-о
Монгольско - немецко - російскій словарь. Спб. 1856, 4-о.

L'histoire russe, que d'anciens souvenirs rattachent à celle des Mongols, le besoin d'éclaircir les monuments écrits qui peuvent ajouter à la conviction des faits, l'administration des tribus éparses, agglomérées jadis à la monarchie mongole, les relations commerciales de ces deux grands empires limitrophes, la Russie et la Chine, tant de motifs importants suffisaient pour fixer l'attention des philologues sur la langue de Tchinguiskhan. En effet, sur le sol russe, le laborieux académicien M. I. J. Schmidt en publiant une grammaire et un dictionnaire fut le premier qui jeta les fondements de l'enseignement systématique de la langue mongole, aussi s'est il acquis la juste reconnaissance des orientalistes (*).

Désigné en 1828 par le gouvernement pour explorer une partie de l'Asie centrale, je me proposai, pendant le cours de ce long et pénible voyage de rassembler tous les matériaux que je pourrais me procurer pour la confection d'un dictionnaire. Pour parvenir à effectuer mon projet, je dus habiter longtemps, tantôt sous les yourtes enfumées des tribus nomades, au delà du Baikal, tantôt au milieu des steppes mongols (Ghobi) ou dans la capitale du fier Bogdakan. Il fallut d'abord s'adonner à l'étude de la langue en usage dans les différentes peuplades disséminées sur tous les points de cette vaste contrée, prêter une oreille attentive aux proverbes, aux con-

(*) Grammatik der mongolischen Sprache; verfasst von I. J. Schmidt, StPetersb. 1851, in-4-0; Mongolisch-deutsch-russisches Wörterbuch, ibid., 1856, in-4-0.

словарями и нѣсколькими остающимися еще въ рукописи. Къ послѣднимъ относятся монгольско-русскіе словари иркутскихъ переводчиковъ Александра Игумнова (неоконченный) и Василя Новоселова, начальника пекинской духовной миссіи архимандрита Петра Каменскаго, французско-китайско-маньжурскій, отчасти обогащенный монгольскими фразами, пекинскаго миссіонера Пуаро. Каждый изъ этихъ словарей имѣетъ свою относительную цѣнность. Такъ, Игумновъ, принявъ въ своемъ словарѣ за основаніе извѣстное зеркало монгольскаго слова (булеку битхэ), привелъ въ алфавитный порядокъ найденныя въ немъ слова и прибавилъ къ нимъ нѣсколько рѣченій, частью почерпнутыхъ изъ весьма немногихъ книгъ, а болѣе составленныхъ на удачу изъ разговорнаго языка. Новоселовъ и въ слѣдъ за нимъ О. Петръ ограничились однимъ лишь словаремъ Санъ-хэ-бянь-лянъ, одностороннимъ, не касавшимся важнѣйшаго отдѣла (ученаго) монгольской литературы.

Но при внимательномъ взглядѣ на кругъ разговорнаго языка и письменные памятники Монголовъ, легко замѣтить четыре элемента ихъ образованности и, слѣдовательно, различить у нихъ четыре источника значеній словъ. Первый или коренной элементъ на-

tes, aux chansons, aux légendes, qui se perpétuent dans le souvenir du peuple par la tradition orale; lire la plupart des ouvrages imprimés ou manuscrits, afin d'en extraire des mots et des locutions entières pour mon recueil, et même compiler au besoin les dictionnaires déjà publiés, et ceux restés inédits. Au nombre de ces derniers se trouvent les vocabulaires mongols-russes de MM. les drogmans Igoumnoff et Novosseloff, celui de l'archimandrite Pierre Kamenski chef de la mission ecclésiastique à Pékin, et celui du missionnaire Poirot, de la même ville, écrit en Français, Chinois, Mandjou, et enrichi quelquefois de phrases mongoles. Chacun de ces dictionnaires a plus ou moins de mérite. M. Igoumnoff, prenant pour base du sien le miroir de la langue mongole (Boulekou bitkhe) a classé, il est vrai, par ordre alphabétique les mots qu'il a extraits de ce livre, mais en ajoutant une certaine quantité de locutions, dont les unes sont tirées de deux ou trois ouvrages, et les autres forgées au hasard par lui-même. Le vocabulaire de M. Novosseloff et celui du P. Pierre, sont incomplets, car ils reposent uniquement sur le Sang-khe-bian-lan, dont le but n'atteignait pas la partie la plus essentielle de la littérature mongole.

Mais celui qui d'un coup d'oeil embrassera le cercle de la langue parlée et les monuments littéraires, observera facilement quatre différents éléments dans la civilisation des Mongols, ce qui le conduira à distinguer dans la langue de ce peuple quatre sources de si-

зовемъ номаднымъ: въ немъ заключается вся жизнь пастуха и звѣролова съ его вѣрованіемъ, понятіями, привычками, добродѣтелями, пороками. Здѣсь болѣе словъ для предметовъ видимыхъ, нежели отвлеченныхъ; здѣсь находимъ много названій, общихъ и сосѣднимъ тунгусскимъ и тюркскимъ поколѣніямъ. Второй, третій и четвертый элементы прививные, именно второй—индійско-тибетскій, принесшій съ собою новую вѣру (буддизмъ) съ возвышенными идеями и энциклопедію наукъ, давно уже на югѣ обработанныхъ. вмѣстѣ съ нимъ пробудилась въ Монголахъ новая потребность переводить священныя буддійскія книги на свой природный языкъ и выраженія номада приспособлять къ отвлеченнымъ понятіямъ, неизвѣстнымъ у нихъ до сего времени. Отсюда протекла обширная фразеологія, съ перваго взгляда непостижимая и требующая особыхъ справокъ съ подлинниками, индійскими и тибетскими, изъ коихъ первые, къ сожалѣнію, весьма рѣдки и приобрѣтаются съ большими затрудненіями. Впрочемъ, должно отдать справедливость ламамъ-переводчикамъ, что они добросовѣстно исполнили свой подвигъ, въ крайней только необходимости усваивали иноземныя слова, ограничиваясь туземнымъ запасомъ. Правда, они часто одно слово замѣняли нѣсколькими; но это произошло отъ того, что монгольскій языкъ лишенъ способности образовывать сложныя слова. Третій элементъ, довольно обширный, должно назвать китайскимъ. Онъ обогатилъ монгольскіе словари значительною терминологіей по администраціи, введенной при

gnification de mots. Le premier de ces éléments qu'on peut appeler nomade, comprend toute la vie du pâtre et celle du chasseur, leur croyance, leurs mœurs, leurs vertus, leurs vices. Ici nous trouvons plus d'expressions pour les objets visibles que pour les objets abstraits et nous remarquons une quantité de mots communs avec les Toungous voisins et les races turques.—Le second élément est hétérogène, il s'est en quelque sorte naturalisé: c'est l'Indo-tibétain, qui introduisit une nouvelle religion (buddhique), des idées plus élevées et une encyclopédie des sciences cultivées depuis longtemps et avec succès au sud de l'Asie. Il reveilla chez les Mongols un nouveau besoin, celui de traduire les livres buddhiques sacrés dans leur propre langue, et d'adapter les expressions nomades aux idées abstraites qui leur avaient été entièrement inconnues jusqu'alors. C'est de là que provient cette immense phraséologie, incompréhensible au premier abord, et qui exige des recherches particulières dans les textes indiens et tibétains; mais les premiers sont fort rares et s'acquièrent très difficilement. Rendons néanmoins justice aux traducteurs lamas, car ils remplirent consciencieusement leur tâche, s'appropriant rarement les mots étrangers et faisant tous leurs efforts pour y suppléer leurs propres expressions quand ils le pouvaient sans altérer le texte. Souvent même ils devaient remplacer un mot par plusieurs à la fois, par la raison que la langue mongole est dépourvue de la faculté de former des mots composés.—Le troisième élément, c'est le Chinois, qui enrichit la lan-

маньджурской династии Цинь, и по правственно-философской части литературы. Къ этимъ тремъ элементамъ съ нѣкотораго времени присоединяется четвертый,—европейскій, такъ названный мною по влиянію Европейцевъ на просвѣщеніе Монголовъ. посредствомъ переводовъ и сочиненій въ духѣ христіанства и учености, насаждаемой посреди азіатскихъ племенъ, пришедшихъ въ соприкосновеніе съ Европою.

Каждая изъ сихъ четырехъ стихій сама по себѣ представляетъ особую группу понятій; но элементъ номадный является какъ бы главнымъ основаніемъ, на которомъ утверждаются и остальные въ совершенной между собою гармоніи, какъ бы канвою, на которой прочіе элементы вывели разноцветные узоры. Поэтому, для лучшаго уразумѣнія этихъ разнородныхъ частей монгольскаго слова, я считалъ неизлишнимъ увеличить мой сборникъ, по мѣрѣ надобности, словами, взятыми изъ тюркскаго, маньджурскаго, китайскаго, санскритскаго и тибетскаго языковъ. Знатоки оцѣнятъ трудность моего предпріятія, а учащіеся могутъ на каждомъ шагѣ убѣдиться въ пользѣ отъ приготовленія матеріаловъ для сравнительной филологіи. Почти вездѣ указаны мною сочиненія, какъ источники приводимыхъ словъ, или ихъ значеній. Безъ сомнѣнія, читатели замѣтятъ, что я обращалъ вниманіе болѣе на тибетскій, нежели на остальные языки; но они должны согласиться со мною, что языкъ ти-

гуе монголе д'уэе терминологіе assez importante, concernant l'administration introduite sous la dynastie Mandjou Tsing, et les livres chinois qui traitent les matières philosophiques et morales.—A ces trois éléments, il s'en est joint tout récemment un autre qu'on peut qualifier d'Européen, car il provient de l'influence des Européens sur la civilisation des Mongols, au moyen des traductions et des ouvrages écrits pour propager le christianisme, et de la science répandue parmi les peuplades asiatiques en contact avec l'Europe.

Chacun de ces quatre éléments forme par lui-même un groupe d'idées distinctes; mais l'élément nomade est la base solide sur laquelle reposent les autres dans une parfaite harmonie entre eux, et leur sert de canevas pour y broder en quelque sorte des dessins bisares. Afin de rendre plus intelligibles les parties hétérogènes de la littérature mongole, j'ai cru indispensable d'enrichir mon recueil de mots puisés dans les langues turque, mandjou, chinoise, sanskrite et tibétaine. Les connaisseurs apprécieront les difficultés que j'ai dû surmonter, et ceux qui se livrent à l'étude de la langue mongole se convaincront de l'utilité des matériaux rassemblés pour la philologie comparative. Les ouvrages dans lesquels j'ai puisé les mots et leurs significations, sont cités presque partout. Le lecteur remarquera, sans doute, que j'ai porté mon attention particulièrement sur la langue tibétaine; mais il conviendra avec moi que cette langue occupe la même place chez les Baudhdhas mongols que la langue latine chez les catholiques romains, et que

